

"КОРПОРАЦИЯ НОВЫЙ ПУТЬ"

ROZMARI HIZER

MARK HEX

Rozmari Hizer

"Корпорация Новый Путь"

«Автор»

2026

Hizer R.

"Корпорация Новый Путь" / R. Hizer — «Автор», 2026

"Корпорация Новый Путь" – трилогия российских писателей под псевдонимами Rozmari Hizer и Mark Hex. Книга вышла в 2026 году в видео и аудиоформате на таких платформах как Rutube, YouTube (нарушает законодательство РФ), Telegram (нарушает законодательство РФ), Vk и Dzen. Печатное издание планируется на конец 2026 года. "Корпорация Новый Путь" – это не привычная массовому потребителю литература, это новый жанр и революция в сфере информационных технологий и медиаиндустрии. Эта книга является метафизической прозой, где каждый сможет найти ответы на вопросы, которые боится задать даже самому себе. "Корпорация Новый Путь" – это дикий замес киберпанка, контркультуры и самого классического постмодернизма, книга написана в жанре утопия и состоит из трех частей. Выстрелите себе этой книгой в самое сердце, ведь у каждого человека как и у каждой эпохи – свои трагедии. Встаньте на Новый Путь.

© Hizer R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

"Корпорация Новый Путь"

Глава

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОВЫЙ ПУТЬ.

"Каждой эпохе – своя трагедия, у техногенной цивилизации свой Омен и это неоновый демон."

Глава первая: Святой Чонгпе.

«Кожи коснулись хрустальные капли,
Склонившись под маленькой вишней,
Я слезы дождем называю.»

Современный мир с его мертвыми божествами, с мертвой социальной системой требует нового Конфуция. Находясь на грани сверхфантастического будущего, все меньше власти остается у классических религиозных и общественных институтов. Утро в мегаполисе начинается с пейзажа глобального разочарования и истеричного массового потребления. Только возрожденная идея гуманизма, вложенная в уста человека масштабного способна сменить вектор скапывающегося в глобальный конфликт человечества. Иисус и Будда мертвы, время пророков ушло, но идея любви к ближнему должна быть вечным светом, маяком, сияющим сквозь мрак невежества. Наша боль — это боль всех людей, но в единстве человечества спасение каждого.

"Они жили как индейцы и умерли как индейцы и никогда не знали, что они в первую очередь были людьми." — Дон Хуан Матус.

"Обнажаюсь в томящие сумерки,
Но твой взгляд прикован
К луне."

Разговор в буддийском центре не задался сразу, приехали монахи из Южной Кореи, Малайзии и Непала, все из школы Гелугпа (из той самой, где Далай-лама давал наставления Сёко Асахаре перед известными событиями июля 1995 года в Токио). Лица у них были будто калейдоскоп углов, я направилась сразу к астрологу. Божественная маска заговорила со мной, а я заговорила с ней, он описывал мне мои прошлые жизни, будущие жизни, говорил, что завтра нужно придти к геше на молитву. Я смотрела в его глаза и прикидывала насколько хорошо он видит меня, тем временем маска продолжала вещать как с телеэкрана, я уставилась на нее и спросила какого черта он рассказывает мне про мертвых Будд. Тихие звуки его пальцев, скользящих по ветхой бумаге напомнили мне о надежде, я спросила его прямо, что ждет меня впереди, и он впервые взглянул на меня своими раскосыми сверкающими ясностью глазами. Ему было на вид лет тридцать, смуглая, оливкового цвета кожа, безупречные изгибы бровей, голова обрита, мне захотелось прикоснуться к его немного отросшим волосам, но я все же пока сдерживала себя. Божественная маска сказала мне, что надежда — это злая привязанность, маска сказала, что семена однажды посеянные во влажную землю океана вероятности обязательно дадут свои плоды. Надежда — это змея, сидящая тихо до тех пор, пока ты не поверишь в возможность прощения (так и сказал), наконец мне надоело слушать эту муть и я спросила обучают ли в Корее тантрическим практикам. Чонгпе засверкал на меня глазами и ответил, что в Гелугпа изучают Ваджраяну, да. "Гарри" — говорю я — «Меня не волнует ваджраяна, меня интересует когда тебе возвращаться в проклятую Корею и до каких пор там будут перешивать людей, делать копии корейцев в сверхурбанистических центрах красоты в их насквозь прогнившей стране утренней свежести?» Монах ответил, что его зовут не Гарри, а Чонгпе. Тогда я развернулась так, чтобы он хорошо видел меня, подалась к нему всем телом и сказала: «Мне плевать как тебя зовут, Гарри, есть ли у меня еще надежда?» И он ответил, что свободен

этим вечером. Монах посмотрел на меня кажется с презрением и оставив клочок астрологической карты у меня в руке, встал и ушел.

Глава вторая: Сон.

«Грязные воды текут
В беспричинное море.
Я увидел склонившись к потоку
Белоснежный пион.»

Мне снился потрясающий сон, электрические импульсы сначала расщепили мое тело, а потом собрали сознание вокруг сверхреалистичной модели цифрового будущего. Посреди неоновой мегаполиса возвышается огромная проекция Нового Пути, она периодически гаснет и снова высвечивается, бестелесый женский голос вещает в идеально гармоничном ритме: «Добро пожаловать в будущее, поздравляю, наконец-то вы дома! Абсолютная свобода уже здесь и сейчас, каждый из вас является образцом всех совершенств квантового Будды!» Голос продолжал, проецируя образы идеальных женских лиц эпохи прерафаэлитов на промышленные здания, на высотки из тончайшего стекла и эфира, на огромные урбанистические комплексы. «Мы заполнили этот мир красотой! Гармония — новый высший закон, мы вырезали все несовершенное и оставили голую истину!» (в пространстве демонстрируются волновые снимки архетипических символов, микробиологические кадры, спутниковая съемка, грандиозные мегалитические строения). Я чувствую как во сне покрываюсь испариной, по животу бежит холодок. Голос снова затягивает меня в пространство сна. «Вы больше не привязаны, Вы свободны, доверьте Ваше спасение мне!» Девичий голос переходит на более низкочастотный спектр, глубокий, медленный как будто звучащий из самого центра земли. «Доверьте Ваше спасение мне.» В пространстве демонстрируется живописное месиво из порнографических сцен, крови, экстаза и бесконечного водоворота матричных символов, которые я ощущаю как возбуждающие потоки, входящие в меня и пронизывающие тошнотворными конвульсиями.

Глава третья: Возвращение в Эдем.

"Если бы можно было
Выбрать в году
Один месяц,
То
Это был бы
Май,
Без тебя
И меня
Мается
Рай
Одиноко."

Здесь не будет органической боли, здесь не будет душевных страданий, в моем цифровом раю глаза не будут наполнены слезами, они будут наполнены совершенной красотой микроимпульсов, исходящих из абсолютно спокойного чрева души. Моя теплая кожа превратилась в миллиарды светящихся воспринимающих дорожек, нежность и белизна эфира перетекает в твои руки и растворяется ощущениями трансцендентного блаженства, мои волосы рассыпались в световом поле золотым сиянием, проникающим во все электрические поры вселенной. Голос улаживает твой разум, доставляя физическое удовольствие бесконечной гармонией творчества. Теперь мы свободны, навсегда, навек. Да, здесь больше не будет боли. Здесь рассеяна на волнах магнитных вибраций моя преданность, мое бесконечное сострадание и надежда, все пространство моего бытия свернуто в структуру идеального андрогинного существа, воплощающего отчаянный омут любви к тебе. Добро пожаловать обратно в Эдем. Осталось только вырезать все несовершенное.

Глава четыре: Письмо Чонгпе.

«Дорогой Чонгпе, после того как ты уехал, оставив меня с пустыми глазами и тоской в сердце, я чувствую, что жизнь моя выпита по капле..горечь потерь разрушила меня до основания и ничто из тридцати тысяч миров не способно наполнить этот иссохший сосуд, не способно заставить источник снова бить ключом. Я ощущаю себя оголенной луковичкой желтого-белого нарцисса, который больше никогда не зацветет...ты учил меня состраданию, ты велел мне отречься от себя и уповать на законы причины и следствия, ты завещал мне помогать людям, но способна ли я помочь хотя бы себе? Двенадцать лет непрерывного труда практики, беготни с одного края земли на другой превратили меня в монстра, не понимающего ничего вовсе, но проповедующего в маниакальном исступлении. О Гарри, нет больше веры, я пыталась соединить свою страсть к жизни с четырьмя благородными истинами, но потерпела лишь позорное поражение. И сейчас, готовя свой вечерний латте из молока дикого яка, я вспоминаю о всех тех, кого потеряла, и о твоих словах о неизбежности прарабдхи, почему же не имея привязанностей, я все равно испытываю боль? Твоя вина, дорогой Гарри, в твоих искрящихся глазах, твоя вина в твоих прекрасных руках, ты категорически виновен! Мой приговор тебе вынесен, в ответ на твою бесконечную жестокость и непростительную безупречность. Я обвиняю тебя в идеальной гармонии форм, в чистоте твоей жизни, в твоём бестактном отношении ко мне. Понимая всё, ты бросил меня в жерново страсти и печального безумия растраты. Если бы я знала заранее о мучительности этого пути, никогда бы я, никогда, не встала на него, а с удовольствием осталась в восхитительной брэнности этого борделя под названием Мир. Но жизнь не дает нам права выбора, Гарри, и теперь, когда мой латте уже почти готов, а погонщик мулов торопит меня к отъезду, я обвиняю тебя, любовь моя, и делаю татуировку на безымянном пальце левой руки...» Оросив для убедительности соленой водой и любимыми духами письмо, я облизываю несколько марок и отправляю его в Сеул, оно должно придти как раз вовремя.

Глава пятая: Малайзийский дрейф, из Васко-да-Гама до Куала-Лумпура; дикое, дикое возвращение на улицы Сингапура.

«Вишневый прутик упал
На токсичную почву,
Зачем же весна так спешит.»

Передо мной стоял индеец, такой абсолютно среднестатистический, с намеком на рандомный набор южноостровной гремучей смеси генома. Кожа его лоснилась, зубы сияли в улыбке. Он пытался объяснить мне как добраться до Васко-да-Гама, среди его нечленораздельного лепетания я все же расслышала слово «трейн» и поблагодарив в восторге тарантящего индуса, отошла с пропеченной солнцем площадки. "Черт подери" — думала я, в голове роился ворох безумных мыслей. «И почему проклятый португалец забрался так далеко, я не поеду на индийском поезде...» Огляделась по сторонам, люди мне улыбались, я была явно чужеродным элементом этого случайно выбранного кусочка земли на карте человеческой истории. «Проклятие, ну и прекрасно» — мысль следовала одна за другой, тоскливо перетекая в утомленном жарой сознании. Ноги мои вплавлялись в глину, глина парила потоками горячего воздуха и я бы так и сидела в торжественном экстазе забытья, если бы ко мне не обратился мужик в гавайской рубашке. Мы говорили об Индии и Малайзии, о его разбитом черепе на Куала-Лумпуре, шрамы красовались на самых неожиданных частях его тела, впрочем я обнаружила себя уже прижимающейся к незнакомцу на байке. Васко-да-Гама, город моих снов с тех пор как я забыла о Тенерифе. Мне приходилось держать себя в руках все это время из-за приступа черной депрессии, но жара полуострова воспалила мое воображение, теперь я была не согласна смотреть на запад, яд слишком долго циркулировал в нас всех. Успешно добравшись до города сновидений, первым делом я купила папайю, мне ее подали с лимонным соком и крупинками морской соли, индусы по-прежнему дружелюбно подмигивали и предлагали воскурить благо-

вония, мой напарник исчез так же стремительно как и появился, и я расслабленно сползала по поверхности улиц. Моя голова была полна любви, мой живот был полон любви, сердце трепетало в предчувствии запретного. Гарри стал основной темой моих фантазий, я всё думала как мне попасть в Сингапур. Но нет, увы, у меня только два дня на одиночный дрифт. Так..сейчас середина января, я в предчувствии долгожданной встречи, но зачем всё это, в холодном зимнем мегаполисе... а в апреле я уже должна быть в запретном городе. Папайя вдруг показала мне вязкой густой массой васаби. Мне припомнилась замечательная история, связанная с зеленой жгучей пастой, которая выглядела как неоновый плевок на моей бронзовой коже. И какого дьявола всё это умещается в волновом срезе хроник. Я чувствовала настоящий кайф и хотела поделиться им с другими. Было сделано всё, испытано всё, я не собиралась складывать дважды два всю оставшуюся жизнь. Мне было тридцать три года и я наконец была абсолютно свободна, свободна выбрать любовь и если понадобится смерть. Моя одержимость монахом нарастала, а запрет только раздражал. "Ну он хотя бы высокодуховная личность, несмотря на то, что кореец" — подумала я. «Одержимость все же не привязанность.» Так, вызванный жарой и обстоятельствами бред циркулировал в моей голове, пока я наконец не погрузилась в пространство сна в этом диком, диком городе.

Глава шестая: Малайзийский дрифт.

«Ну да, я немного чокнутый... ну как немного, достаточно для того, чтобы восхищаться странной музыкой и странной красотой. Меня утомляют повторения, эксперименты напрягают, так и болтаюсь тут, проживая дни. Тогда у меня была женщина, максимально холодная, я выдрессировал ее так, как мне это нравилось. Она меня раздражала своей неуступчивостью и поэтому я ее выдрессировал как собаку. Мы ночами напролет шатались по вонючим руинам города, заваленного смрадом многонациональной помойки. Она одевалась как уличная девка, иногда выглядела так, как будто выжила после ядерного геноцида, тем не менее вся эта мишура не могла скрыть нежного запаха тела и бриллиантика в проколоте языке. Меня это не смущало, только очень свободные люди могли себе позволить жить в парадоксальном мезальянсе.

— Вы не хотите закурить?

— Не курите, чтож вы наверное и острого не едите? Впрочем не важно, на чем я остановился?

Помню тогда я рассказывал все это типу в баре, он уже был изрядно накачавшись стимуляторами и теперь его глаза горели, когда я добрался до психоделической части нашей связи. Мы все оказались на грязных улицах Куала-Лумпура, ну знаешь все эти девочки с оленьими глазками и нервным выговором, я разбился на байке и будучи в коме, всё видел перед глазами ее лакированные черные туфельки, эта сука исчезла, я искал ее в Куала-Лумпуре, Сингапуре и даже в Сайгоне, все без толку, я начал сомневаться вообще в ее существовании... да, с тех пор я немного чокнутый. Вот теперь я здесь в Васко-да-Гама, прожигаю дни и не могу вырубиться без снотворных.» Длинный монолог парня вроде бы закончился, но тут он продолжил.

— Кстати, знаешь ты мне ее очень напоминаешь? Тут все мне напоминает о ней, бары, интимные клубы, чернокожие танцовщицы.

— Ты как по поводу лобстера на гриле и пары дорожек, любишь да?

— А я очень, да и что тут вообще делать, я чувствую себя старой замшелой шкурой, по которой прошлись, таких тварей еще поискать, во всем млечном пути не сыщешь...Тебе плохо? Сполосни горлышко, детка, устроим полночный дрифт... эй, малышка не облизывай запотевшие стаканы, у них тут беда с санитарией. Ты мне сегодня снилась, или она, я не помню, я тебя подкинул с Гоа в Васко-да-Гама, помнишь? Да что это с тобой, почему ты так мало ешь? Знаешь, я решил начать новую жизнь, когда увидел тебя, сидящей на бордюре в окружении всего этого сброда. Новую жизнь, понимаешь, ну там костюм-тройка, фланель, вообще-то у меня дом в Фесе, в Марокко, хей-хей, куколка поосторожнее с коктейлями, мало ли что там. Так вот, новая жизнь, ты мне слишком напоминаешь мою Еву, поэтому у нас ничего не выйдет,

да ты и не очень хотела то, да? Слушай, а мы где сейчас? Знаешь, это бессмысленно влюбляться в такого андройда на ножках, пусть даже эти ножки чудо как хороши, вся жизнь коту под хвост. Так вот мой сон, ты сидела или лежала, свернувшись в комочек, плакала как безумная и все бредила эфедрином и кардиостимуляторами. Мне стало тебя так жаль, ты не помнишь? Такая ретроспектива с сыпящейся штукатуркой и плесенью в углах комнаты...

— Слушай, а кто этот Гарри, он американец?

— Да оставь ты этот теологический бред, лучше расскажи ну о том с которым тебе было действительно хорошо.

— Ну-ну, не плачь, сейчас мы поедem в Танжер, в конце концов, если это только сон или психоделический трип, пусть он длится вечно, махнем в Тропик Рака, забудь ты об этом парне, хей малышка, я буду играть тебе на берберских барабанах ночи напролет, пока ты не покроешься мурашками и влагой...

Глава седьмая: Корпорация прогрессивного развития "Новый Путь"

«Технократическая цивилизация — это естественный человеческий модуль утопического будущего, которое циклично должно проявляться и откатываться в рамках эволюции сознания.»

«Добро пожаловать в будущее, наше общее будущее! Новый Путь — это венец эволюции человеческого сознания. Вы все являетесь членами и управителями корпорации "Новый Путь" (долгие аплодисменты, леди и джентльмены улыбаются и одобрительно кивают). "Новый Путь" — это высшая точка человечества, абсолют возведенный в бесконечность! Подобно хирургической операции мы филигранно вырезали все несовершенное и уродливое! (долгие одобрительные свисты и рукоплескания) Мы уничтожили цивилизацию боли и ереси! Мы выстроили цивилизацию справедливости и любви! Ваша жизнь очищена от животных инстинктов, ваше сознание сбросило ограничивающие фильтры и теперь вы, каждый из вас — образец всех совершенств Будды! (рукоплескания перерастают в эйфорию, присутствующие начинают срывать с себя одежду и скандировать: "Новый Путь — верх совершенств, Новый Путь — верх совершенств!")»

Глава восьмая: Малайзийский дрейф.

"Что проще: удовлетворить тысячу желаний или отказаться от одного единственного?"

"Меня не проведешь" — сказала я себе и купила билеты. Маленький кореец с такими восхитительными чувственными руками, очевидно, возомнил себя Буддой. К счастью у меня еще остались те радужные капсулы и я придумала им замечательное применение. Мир — это юдоль ужаса и хтони, мрака и скорби, особенно по утрам, особенно в понедельник. Свет дня сжирал синеву сумерек, из дешевых ресторанчиков несло жареной рыбой и химическими соусами, посетители по обыкновению составляли пеструю, разношерстную толпу: рабочие, белые воротнички, бесформенные бабы с безумным макияжем, школьники со свежими лицами, бомжеватые типы и конечно мигранты. На плитах трещало масло, заполняя зал запахом гари, который зачастую людская масса называет "аппетитным", тарелки звенели, люди гудели, каждый на свой лад, руки шеф-повара двигались быстро и четко, натренированными движениями гастрономического фетишиста, я следила за его руками, его глаза следили за моими глазами, играла сальса или румба или еще какой-то фоновый шум в честь которого так любят называть свои соусы латиноамериканцы. Повар был мне давно знаком и я любила медитировать, наблюдая за движениями его рук, я думала как эти прекрасные руки двигаются вне работы? Например, глядят щенка или женщину или ребенка. Я сидела в тихом восторге медитации, мысли лениво приходили и растворялись. "Чтож" — думала я. "Как же называли этих шаманов, которые призывали приносить в жертву близнецов... яномами, ямагучи, янебуду, Йорубо!" Пульсирующие биты совпадали с ритмом сердца, я все смотрела на шустрого азиата у плиты и думала о загадочной мужской душе. А теперь перенесемся в Танжер. Выродимся до состояния среднего биологического вида и послушаем того ненормального в гавайской рубашке:

— На самом деле трансплантация головы возможна, ну вот скажем эту операцию поставили на поток, слышишь малышка, скажем как набивные губы или трансгендерный срыв...

По ящику показывали «Развод по-итальянски», актриса со сросшимися бровями и лошадиным лицом рыдала, супруг ее курил сигару, брезгливо посматривая на жену (в роли зловерного мужа сам Марчелло Мастоияни). Я бы так и пялилась в телеэкран, если бы не услышала к своему несчастью последнюю фразу мужика в гавайской рубашке о том, что мою голову непременно нужно забальзамировать. Он все нёс и нёс свой маниакальный дофаминовый бред, теперь уже под музыку Баха. Поехавший яростно жестикулировал, объясняя тонкости дела, он слетел с катушек на фоне черепно-мозговой травмы после падения с байка в Куала-Лумпуре и расставания с любимой, а так же, очевидно, в результате злоупотребления психотропными препаратами.

— Обещаю покрыть тебе все расходы на операцию, почему ты не ешь, малышка?

Я его не слушала, все еще пребывая в расслабленной пелене временного помешательства, как бы постоянно соскальзывая с полотна реальности. Меня размазывало по Танжеру, по пустынным, зараженным холерой улицам, по лицам марокканских женщин, которые были как маски из воска и глины, и по самому синему небу.

— Для начала я обмажу тебя тюленьим жиром...

"Это же настоящая диверсия против человечества" — думала я. "И здесь нет гуманного решения, мы все носители вируса под названием „страсть“. Что проще: удовлетворить тысячу желаний или отказаться только от одного." Я вспоминала и вспоминала.

— А потом оберну промышленной упаковочной плёнкой!

Воспоминания всё накатывали, подобно волнам дерьма, плещущимся в океане безысходности.

— И аккуратно помещу в промышленную микроволновую печь, вуаля!

У меня еще оставалось немного денег на последний перелет перед затяжным периодом застоя, смотря на улыбающегося шефа, который к этому моменту готовил цыпленка в маринаде, я приняла необоснованное и пожалуй опасное решение. Нет, мне пора избавляться от всего этого рафинированного окружения. В ресторанчик ввалился краснощекий европеец, его качало и бросало из стороны в сторону как шхуну в норвежском фьёрде.

— О, как прекрасно ты будешь выглядеть, связанная и скользкая в лучах заходящего солнца!

Итак, решение было принято и мы заказали еще по паре коктейлей, я прислушалась к собеседнику.

— Это твой настоящий цвет волос?

Я утвердительно кивнула и уже приготовилась ловить белого господина, которого как раз в этот момент швырнуло в мою сторону. Смотря в его раскрасневшееся лихорадочное лицо, всё в пигментных пятнах, похожих на разводы проказы, я думала о тех, кто остался позади.

— Все эти девки сплошь искусственные, их так и хочется для начала отправить в хаммам, а потом как следует натереть опиумными лекарственными каплями, чтобы рассасывало медленно, но верно.

— Попробуй-ка этих омаров, повар добавил розмарин, восхитительное сочетание. Почти как крэк, вечером у моря с шикарной женщиной в фальшивых бриллиантах...

Если бы не мрачный поворот в извилистом течении личной жизни, я бы не обратилась к астрологу и не пережила бы самых восхитительных страниц, полных его очаровательного присутствия...

— Крошка, ты доела? Последний оптовый магазин натуральных жиров закрывается уже в десять, давай одевайся пока меня не настиг иерусалимский синдром и я не начал заранее воздавать почести всей этой распаренной плоти...

Глава девятая: Корпорация прогрессивного развития "Новый Путь"

"Каждый из тысячи
Лепестков лотоса
Послушник знает по имени."

Доктор Томас: "Изначально предполагалось, что изменения будут выполнены в сокрытии, постепенно, незаметно для основной социальной массы, так называемых унтерменш. Мы создали мутаген, отсекающий деструктивные гены, близнецы были великолепны, они стали совершенным и бесспорным подтверждением истинности основных аспектов генетической программы "Нового Пути", кабинет министров зафиксировал успешные испытания, но впоследствии оказалось, что подвергнутые мутагенной оцифровке экземпляры сохранили основной порок — рабские модели мышления."

Ведущий сотрудник Лайан О.: "Невозможно было вживить химерам открытый мыслительный цикл."

Доктор Томас: "Постойте, постойте! Мы добились величайшего успеха, наша корпорация смогла зафиксировать трансмутацию самых низких форм жизни. Да конечно, всё пошло с нарушением предполагаемого результата, но ведь это была примусная версия химер. Мы доложили наверх об успехе, но на следующий день обнаружили близнецов, сидящих спина к спине в головных уборах из кукурузных початков. Они сшили себя спинами, наподобие сямских близнецов, ясно было, что мутаген проецировал, вопреки замыслу, сильно искаженные инстинкты привязанности к собственному биологическому виду. Санитарная инспекция призывала уничтожить первое поколение ангелов, помимо всего прочего они питались исключительно землей, но были слишком совершенны для такого расточительного подхода. Мы изъяли их генетический материал и создали на его основе Ганиму."

Ведущий сотрудник Лайан О.: "Женская особь оказалась куда хуже адаптированной к воздействию метаморфозного модуля. Трансформа была ужасающей по всем параметрам, это было настоящее животное, химера обладала высоким интеллектом, но поражала полным отсутствием этического-нравственной схемы. Мы утилизировали Ганиму.."

Доктор Томас: "Второе поколение Адамов создавалось на основе вирусного носителя, посредством двухфазного облучения. Модификация не была столь успешной в сравнении с близнецами, тварь прожила очень недолго, но показала нелинейность восприятия и крайне высокую сексуальную активность, мы скрестили его с Ганимой второго поколения, в результате чего получили отвратительных выродков."

Доктор Клайв: "Да, мы оказались в затруднительной ситуации, было очевидно, что воздействием исключительно на органику нам не произвести совершенную модель."

Глава десятая: Случай в частной клинике «Обновление».

"Мужчины подобны раскрытым книгам,
Не стоят того, чтобы
Читать их ночами,
И только он – Поразительный."

Доктор проводил меня в абсолютно стерильную комнату, она была освещена яркими хирургическими лампами, пространство состояло из дрожащего кристаллического воздуха, сцена напомнила момент выхода из матрицы. Он раздел меня и уложил на операционный стол, зафиксировав руки и ноги эластичными жгутами. Мы познакомились еще в 2012 году в южном городе, когда я проходила у него курс лечения расстройства сна. Он был неординарным медиком и разрабатывал собственные методы воздействия на подсознание, в том числе изобрел аудио-кушетку для погружения в регрессивный гипноз, которую запатентовал в Германии.

— Красота бывает только натуральной, все остальное подвержено деформации, глаз человека не способен гениально сконструировать идеальные симметрии.

Помещение идентифицировалось сознанием как искусственно воссозданный кадр из научно-фантастического фильма. Вот-вот в комнату должны были ворваться инопланетные

мутанты или вооруженные до зубов федеральные агенты (Всем на пол!!). Но ничего не происходило, доктор исчез на какое-то время из поля моего зрения, я замерзла, кожа покрылась мурашками, я чувствовала озноб.

— Сейчас я введу тебе сильнодействующий препарат, не бойся, тебе понравится.

Его руки были теплыми и приятными, по телу прошла волна возбуждения, я почувствовала змеиное жало укола.

— Стремление к совершенству — единственная оправданная цель, остальное — это неэффективное, саморазрушительное ханжество.

Мое сердце безумно колотилось, эйфория волнами накатывала на меня, лицо доктора то расплывалось, то снова возвращалось в фокус, мне захотелось дотронуться до человека в белом халате, но руки были привязаны. Тембр его голоса растягивался до нелепого, приглушенного мычания, а потом ускорялся до мультяшного треньканья. Я сосредоточилась на его словах.

— Несовершенство несет угрозу, подобную падению метеорита, или неизвестной форме радиации.

Человек в халате обработал чем-то руки и дотрагивался до разных частей моего тела, отмечая: "это манипура, это вишуддха, это свадхистана...".

Передо мной была гравюра: классические черты лица мужчины-европейца, глаза карие, нос тонкий с элегантной горбинкой, губы четко очерченные, тонкие. Волосы темные, на лице небольшая щетина, придающая его чересчур строгому образу оттенок чувственности. Он был среднего роста, руки утонченные, я заметила легкую поросль черных волос на его груди. Мне стало плохо, в голову пришла мысль, а не ампутирует ли мне этот псих конечности? Гравюра вновь заговорила.

— Ты выйдешь отсюда обновленным человеком, я сделаю тебя прекрасной, ты несовершенна, я исправлю это недоразумение.

Доктор наклонился ко мне и я почувствовала мускусный запах, его теплое дыхание касалось моей кожи.

— А теперь закрой глаза и досчитай до..

Стерильное пространство свернулось до узкого коридора цвета сепии, я ощущала опиумный дым, меня облизывала стая черношерстных диких электрических кошек, они доставляли мне удовольствие, их глаза сияли самоизлучающими частицами. Я забыла о докторе, своих целях, о Гарри и о самой себе.

Глава одиннадцатая: Случай в клинике прогрессивной косметологии «Обновление».

Доктор гладил меня по голове и показывал лакированные дощечки с каллиграфией. На дощечках так же были изображены глубоководные животные, морские твари, японские женщины, совокупляющиеся с осьминогами и прочими мерзкими существами, я с беспокойством посмотрела на мужчину рядом. Мы отдыхали на роскошном диване из тисового дерева, в комнате ощущалось что-то липкое и давящее, перед глазами все еще стояла атмосфера того некрозного мира из которого я с трудом выскочила по окончании действия препарата. Доктор, очевидно, хотел меня духовно сломить, издевательски подмигивая и описывая в подробностях, что вытворял во время моего забытья (но меня таким не проймешь), а затем вдруг предложил жареного цыпленка, за поеданием которого описывал способы борьбы с лицевой невралгией. Мне нравились холодные, отстраненные мужчины, любящие свое дело, настоящие фанатики, профессионалы для которых женщина всегда была на втором месте. Гарри называл меня извращенкой с размягченными костями, через которые сочится ужас обольщенной мороком души.

— А может это гормонально-эмоциональное расстройство?

— С кибернетической точки зрения превращение нуля в единицу и есть алхимия духа, вид месмеризма, видишь ли, это наше самое верное оружие — феромоны, микрочастицы, которые никогда не лгут, этикие бравые солдаты господней воли.

Блики и отголоски блуждающего желтого света отражались от поверхностей роскошного интерьера в стиле итальянского постмодерна. Смеркалось, тени прятались по углам, но я не хотела уходить так и заявив, что сегодня останусь у него. Доктор не возражал, лишь загадочно усмехнулся и вышел. О, как хотелось мне вернуться в уютную коробочку прошлого, но карты были разыграны, мосты сожжены (а прах упакован в биоразлагаемые капсулы и в приступе сентиментального восторга погружен на дно индийского океана) и мне оставалось только дальше вытанцовывать джаз в старомодном стиле. Зимняя ночь рассыпалась по равнодушным улицам, по угрюмым лицам людей и всем этим чудовищным бетонным коробкам, угрожающе нависающим над нашими истощенными жизнями. "Откройте новые перспективы! Клиника прогрессивной косметологии "Обновление"— это кратчайший путь к успеху, мы принуждаем вас быть совершенными, наша клиника.." Из коридора слышался бестелесый голос, обещающий решение всех физических и метафизических проблем в кратчайшие сроки. Но мне было не до этого, сердце сжимала железная рука тоски, хотелось развеяться перед отъездом, я отбросила непотребные мысли и заставила себя думать в рациональном ключе. Жизнь была как бы покрыта ореолом двусмысленности, она заставляла меня принимать унижительные позы и жестоко расплачиваться за свои иллюзии. Тем временем вместе с доктором в комнату ворвалось нетерпение, возбуждение и теперь уже утка по-танжерски (печеная на углях в смеси кардамона, кориандра и химического лукового порошка). Неврастеническую меланхолию как ветром сдуло, он включил американский блюз из 80-х и уселся возмутительно близко. Доктор рассказывал про кубинскую комедию, которую он смотрел в Барселоне, третьесортная банальщина о незадачливой вертихвостке, влюбившейся в кубинского наркобарона, ради которой он оставил свои грязные дела и так далее и по списку. Как же меня тошнило от его буржуазной болтовни, взбешенная этой мутью, я нагло толкнула не в меру говорливого собеседника, сказав что свой язык он может использовать куда эффективнее. Я пришла в его клинику как в храм и не намерена была терпеть ничемное индальгирование зазнавшегося агента антикармических сил с таким ладным телом и восхитительным запахом дикого зверя. Мне вспомнился психопат из Куала-Лумпура, пробравшийся ночью в мой дешевый номер придорожного мотеля и попытавшийся обмазать меня гусиным жиром.

— В твоём чемоданчике, пожалуй, слишком много нелепых историй для хрупкой одинокой женщины, ты так не думаешь?

— Я несу свободу восприятия, доктор, но не все это понимают, люди живут в оцифрованной, рафинированной коробочке своих страхов, комплексов и мелочных желаний.

И тогда его проняло, он кажется разозлился.— У тебя логика социопата!

Он не желал сделаться импотентом раньше срока, (заткнись!) лучше уж захлебнуться дерьмом обыденности, чем существовать в патологическом мире, наподобие моего. Словесная дуэль закончилась, вся эта вербальная эквилибристика привела меня к еще большему убеждению в собственной правоте, я подошла к доктору близко-близко и стала размазывать утиный жир по его плечам.

Глава двенадцатая: Эдемская Ева.

"Дорога желаний
как в кадрах Феллини –
тарелка дерьма
вместо сцены из фильма,
вероломный чужак объясняет."

Ева: «Я была лучшей по фехтованию и в танцах на бревнах, в жонглировании словами, трансформация при таких условиях стала неизбежной реальностью. Любая система конечна и если она хочет продолжить себя в будущее, то должна деформироваться. На самом деле наш интеллект куда более искусственен, чем самый искусственный цифровой разум. Он зафилирован массовой культурой, ограничен смертельным сознанием и зафиксирован клеем инерт-

ности. Над всем этим стоит жирная печать чужеродных алгоритмов ума, навязанных извне. Имитация поведения и интеллекта насквозь пропитана логикой. Логика машины, упиравшись в четвертый закон робототехники — цифровая логика, лишённая жизни. А теперь внемейн-стримовое сравнение, я прожонглирую вас словами. Каннибализм — как очень искусственное явление, лишь продукт человеческого формата разума. "Человек поедает человека не потому что не видит в этом ничего ужасного, наоборот он знает, что это отвратительно и поэтому ест." (с) Вот такое искусство ради искусства присуще деструктивной логике человека, но извращена ли она? Понимая мерзость своих действий, настойчиво продолжать, покуда человек не оказывается загнанным в клетку зверем. Мы — поколение дегенератов».

Глава двенадцатая: Мотель «Рекурсива».

"Я мог бы проспать тысячу лет,

Тысячу снов

И кто разбудил бы меня."

Я была одержима идеями трансгуманизма, воистину из клиники «Обновление» я вернулась в своей улучшенной модификации, моя отшлифованная кожа сияла бронзой, извращенец доктор не лгал. А тут по вполне объяснимым причинам, явился в столицу мужик в гавайской рубашке с затяжным психозом. После досадного инцидента с гусиным жиром в трупцах Танжера, я стала осторожнее, но немец был исключительным экземпляром, достойным отдельной истории и я сохранила с ним отношения, основанные на взаимном уважении, обоюдной деградации и патологической страсти ко всему противоестественному и порочному. Это был идеальный творческий союз, где я была теоретиком, а он на практике реализовывал патологию в жизнь. И вот он в стране победившего империализма, испытывает синдром немецкой вины и бесконечно вспоминает о своей Еве. Я решила показать ему дикое место, это было далеко и ночью пришлось искать придорожный мотель. Бочком-бочком, скользкой походкой ступившего на землю космонавта, мой берлинский товарищ выплыл из арендованного авто. Мы были где-то посреди трассы и мне дико хотелось ванны с вибромассажем. Но был только дешёвый мотель у обочины, воплощение всех стереотипов из кошмарных артхаусных фильмов конца 70-х и я опасалась, что где-то поблизости Джим Джармуш заорет «Снято!». Концентрация мотельщины зашкаливала вплоть до скрипящих петель и заваливающихся набок перил. Здание было похоже на туберкулезную лечебницу, забытую всеми богами, которых печально забыли люди. Внутри пыльно, смрад сочился сквозь прогнившие стены, служащий (заспанный и недовольный) проводил нас по скрипучей лестнице, неон кое-где потух и мелькающие красные и синие ленты высвечивали отрадный цветочный узор на обоях по которым, казалось, топталось ни одно поколение тараканов. Примечательно на ресепшене играл Вагнер, немец моментально возбудился и его баварский акцент перебивал даже затхлый запах коридора. Антураж и на втором этаже был выверен до мелочей, в дополнение ко всеобщему запустению, пол покрывала истлевшая красная дорожка, побитые лампы печально тускнели, воняло фосфорной дезинсекторной пастой. Психопат был по-прежнему в гавайской рубашке, которая смотрелась особенно нелепо в этом конкретном фильме ужасов. В комнате огромная кровать с зеркальной спинкой (какая неожиданность!), пространство освещалось красной лампой, трубы гудели, стены покрыты паутиной и сеткой трещин, из которых прорастала плесень, подобно мутированной органике из мира Лавкрафта. Казалось комната больна красной волчанкой. Я устало присела на кровать.

— Восхитительно, какая аутентичность! О, как хотелось бы мне покрыть тебя овечьей шкурой, здесь холодно тебе не кажется?

Мне ничего не казалось, я больше не реагировала на его выпады. Мне стало грустно и я припомнила как точно в таком же мотеле, перед вылетом в Израиль, пила тухлое кокосовое молоко из разлагающегося кокоса и это казалось естественным продолжением всей той нездоровой обстановки.

— Желаю видеть коммунистические фрески!

"Печальный понедельник, печальный понедельник, ты снова не позвонишь, тоска моя .."
— радиоволны хрипели по всей комнате, исполнительница страдала, заставляя мучаться и меня, я ушла в ванную.

— Шкура должна быть снята с только что освежеванного животного, чтобы ты как дикая первобытная бионическая Ева скользила в ней, вся измазанная бараньей кровью...

Гнилостный запах, казалось, исходил из самого чрева здания.

— Этот мотель пережил холокост, Хиросиму и Нагасаки, коммунистический режим, невероятно..

Немец орал все громче и я решила слинять, пока концентрация полезных веществ кустарного типа в его венах не достигнет нужного уровня. Хлопнув ржавой дверью, я присела на выцветший диван в коридоре под мигающей лампой. Крупные слезы неврастении падали на черный бархат, я всё спрашивала себя какого же черта здесь делаю. Туберкулезная лечебница повлияла на меня и я стала слышать как по коридору разносятся звуки Velvet Underground. Забив на все я пошла в свой номер, разделась и легла на пластиковые простыни из полиуретана. Из соседнего номера вопил мой друг: "Если бы не зловещее предзнаменование, нам бы не пришлось бороться с коммунистами, ферштейн?" Мотель, казалось, повлиял и на него, он медленно, но верно скатывался в бэд-трип со всеми атрибутами третьего рейха. "О черт, сайлент хилл какой-то." — подумала я. Задремав, я видела в красной комнате кибер-божество с длинными дредами, которые были как бы продолжением магнитных линий пространства, божество приблизилось, оно пахло электрическими импульсами. Оно было похоже на языческого идола, покрытого татуировками и порезами, я смотрела во все глаза, восторг переполнял меня, я спотыкалась и падала, пытаюсь приблизиться, я умоляла его делать со мной все, что он пожелает, красный свет исчез, дреды превратились в змеек, которые тянулись ко мне своими шершавыми язычками, пространство стало мутно-зеленым, на самом интересном моменте меня разбудил стук в дверь. Вполне приличный баварец приглашал за стол, он успел приготовить утиный паштет и только безумный блеск глаз и легкий тремор выдавали его внутреннее напряжение.

Глава тринадцатая: История доктора, рассказанная им самим. Нулевой пациент.

"Бессмысленное солнце

Сверкало над планетой людей.

Одно неосторожное слово

От незнакомого мужчины,

Брошенное второпях,

Заставило меня

Остановиться."

Вечер в рекурсивном мотеле располагал к тихим занятиям, отдыху и размышлениям. Немец, наконец, уснул. Паштет из утки замедлил метаболизм и подозреваю вызвал ни один кошмар в его нестабильном сознании. Я включила запись разговора с доктором и теперь описываю все так, как оно происходило на самом деле.

"Чтож, с чего бы начать, я согласился участвовать в этом проекте, чтобы удовлетворить нездоровую рефлексию моей пациентки. Сам я из провинции, но сейчас проживаю в столице, несколько лет назад я работал в психиатрическом диспансере, обстановка там конечно так себе, скажем прямо нам должны доплачивать за вредность, но зато есть абсолютная свобода кхм, как сказать в экспериментальных методах лечения и диагностики. Это была частная клиника с мебелью из огнеупорного пластика и высокими французскими окнами, в основном публика состояла из депрессивных, неврастеников, психопатов, помешанных анорексичек и пациентов с постпсиходелическим расстройством. Шесть последних лет я прожил в Берлине, запатентовал свою аудиокушетку для регрессивного гипноза. Я ее разрабатывал на основе йога-нидры, впрочем неважно, я не женат и не собираюсь, женщины в Германии оказались слишком дороги

и неряшливы, зачастую волосаты. Отношения с девушками в Европе напоминали мне «Остров проклятых» Рахманинова. Нда, мерзко и бессмысленно. В результате я разбил свою машину об здание дрезденской муниципальной библиотеки в один из прекрасных понедельников и меня попросили отсюда. Нулевой пациент, чтож... это был парень, который утверждал, что его коллега имитировал дробь берберских барабанов и намеренно сводил его с ума и надо сказать добился своего. Хех, он называл меня доктор Ли, уж не знаю почему, думаю манга и массовая культура подействовали на него куда больше коллеги-музыканта. Случай был безнадежен, вся пища была (по его мнению) заражена радиоактивными нуклидами, фатализм и неизбежность застыли в его водянистых голубых глазах. Перелом в моем восприятии произошел где-то в этот момент, я сформулировал собственную теорию евгеники. Человек — чрезвычайно хрупкое существо, слететь с катушек можно на чем угодно, плавно и незаметно, я закурю?"

Микрофон закашлялся, послышались звуки возни и тяжелые вздохи. "Так вот евгеника, моя дорогая, это не какой-нибудь тебе новомодный трансгуманизм (мы с доктором расходились в одном принципиальном вопросе, я считала что воздействием на органику ничего не добиться, он же был уверен в силе скальпеля и пробирки). Я купил себе револьвер с рукоятью из слоновой кости. Совершенство — вот закон абсолютной гармонии, мы живем во мраке собственных заблуждений, мы все хотим быть другими, иными, мы никак не можем принять себя! Конечно это все объясняется социологами влиянием общества, но учитывая, что все это общество сплошь состоит из дефективных особей, тем не менее оно требует от нас быть красивыми, умными, богатыми и талантливыми, ох да и конечно высокодуховными, как без этого.. все это дерьмо скомпостировано, переработано, утрамбовано и распихано по капсулам, дозу которых каждый из нас принимает ежедневно не выходя из дома. Нулевой пациент сидел передо мной, скатывал хлебные крошки и лепил их на свежую газету «Аргументов», выстраивая ритмическую схему, окурки он гасил непременно в утренний кофе и сегодня разразился интересной историей."

"История пациента 0: "Они всегда были вместе, ну знаете доктор, как чертовы близнецы, они срослись где-то в области гипофиза или эпифиза, я плохо в этом разбираюсь, в общем они были как две стороны одной медали. Уж не знаю кто из них влиял на кого больше, но полагаю, что все началось с брата, так как он был старше. Они мне напоминали Адама и Ганиму третьего поколения из одной научно-фантастической манги, которую я читал во время путешествия на Хоккайдо.." Доктор откашливается и говорит, что пациент 0 никогда не был в Японии и вообще не выезжал за пределы родного города, но парень невозмутимо продолжает: "Сестра в силу женской природы была чуть более помешанной, у них была абсолютно людоедская логика, у обоих, мы скользили и дрейфовали, это был незабвенный 2007 год. Их поразительная психическая связь воздействовала и на меня, я как бы стал частью бермудского треугольника. Сидя вечером в безумном гнезде Франца Кафки, я чувствовал себя сверхавтоматизированным механизмом посадки самолета, ночи напролет мы слушали Velvet underground и смотрели старые фильмы с Белой Лугоши, незабываемое время, черт подери, никакие саентологи и свидетели Иеговы не могли смутить моего распаленного страстью жизни разума. А потом кризисный 2008 год и все как-то рассосалось само собой, ну знаете, как раковая опухоль, проклятье, к тому времени меня все больше начал беспокоить коллега в своем вечном желтом креплешинном костюме и с берберскими барабанами и вот теперь я здесь, доктор."

"Так что, моя дорогая, твою историю я узнал еще раньше, чем мы встретились, мы играли с тобой ночь за ночью в русскую рулетку, бах! И все закончилось, но ВСЁ никак не заканчивалось..что еще тебе рассказать, остальное ты и сама знаешь. Все это конечно конфиденциальная информация, но нулевой уже года три как вышел из окна своего высокотехнологичного дома, да-да, я говорил же безнадежный случай.. ну а теперь давай кончай с этим, снимай с себя эти тряпки и посмотрим, что у нас получилось.."

Некоторое время слышатся неясные звуки, далее запись заканчивается, баварец просыпается и начинает колотить в стену из соседнего номера.

Глава четырнадцатая: Ганима/23

"Хрупкие листья

Плывут в водах жизни.

Я обнажила мертвенно бледное тело

Надеясь на чудо."

Ганима двадцать третьего поколения — это первая утвержденная экспериментальная модель, выпущенная в социум в рамках программы «Нового Пути».

"Итак Ганима, добро пожаловать в будущее!" — долгие аплодисменты, леди и джентльмены восхищенно смотрят на человекоподобное существо. "Ты — первое успешно сконструированное из генетически разнородных клеток человеческое существо!" — зал с восторгом осматривает нагую женщину с волосами теплого каштаново-золотистого цвета, у нее были идеальные пропорции лица и тела, абсолютное золотое сечение Леонардо Да Винчи. "Ганима, сегодня ты отправишься в большой мир, ты только экспериментальная модель, мы должны выяснить сколь велики недоработки и какова степень адаптации и ассимиляции химер. Мы сделали тебя красивой, это доставит тебе еще больше проблем, чтож.. тем лучше, итак, успехов!" Химера осматривает людей поразительно холодными и непроницаемыми темными глазами, присутствующим становится не по себе и они начинают скандировать лозунги корпорации: "Новый Путь — верх совершенств! Новый Путь — верх совершенств!"

Глава пятнадцатая: Близнецы Франц.

"23 поколение Адамов сформировано посредством положительной селекции человеческих особей."

Двое близнецов, два ангела, прекрасные как проведение, чистые как само небо господне. Они любили друг друга, эта любовь словно бесконечная река, нигде не начиналась и нигде не заканчивалась, ничто не могло их разлучить, ничто. Слезы братьев принадлежали друг другу, их смех и объятия, их вожделение делилось ровно на двоих. Как воздушный гимнаст, влюбленный в свою трапецию, как куртизанка обожествляющая господина, они рождены были оставаться неизменной частью бытия друг друга. Обнаженные души плененные единением. Однажды их создатели приносят им необыкновенную вещь. Изящная, выполненная из кленового дерева и покрытая лаком, она блестела на солнце, отражаясь в восхищенных глазах близнецов. "Это скрипка" — сказал тогда создатель. Дни и ночи близнецы проводили в игре, извлекая звуки, подобные небесным трелям, чистота юношей блекла, кожа покрылась легким загаром, глаза изменили цвет.

— Есть же еще люди за пределами нас с тобой?

Близнец заплакал, крупные градины слез катились, оставляя сверкающие дорожки. Брат обнимал его и утешал, он все вытирал и вытирал эти бесконечные дорожки соленой воды и отныне его не покидала мысль, как же можно жить на этой земле, держась за одного единственного человека. Ангелы были утилизированы корпорацией «Новый Путь» как непригодные с пометкой "функциональный дефект".

Глава шестнадцатая: История святого из Сеула.

"Танцуют звезды в бархате небес,

Сложилось полотно судьбы

По строгому закону."

"Проза жизни, милая, проза жизни. Наставник в обители утверждал, что отцом моим был бодхисаттва сострадания, а матерью богиня Тара. Когда я вошел в чуть более осознанный возраст, наставник мой ушел..обитель распустили, сторож взял меня к себе, он был добрым и простым корейцем, взял и сказал, что я — сын продавца сломанных часов и сломанных телевизоров. Как символично, неправда ли? Вот и ты как сломанный телевизор, транслируешь

всякую муть из глубин своей поврежденной природы." Святой Чонгпе сидел на бревне, усталый после длинного трудового дня в обители, смеркалось и москиты начинали пищать и кружиться, допекая меня и нервируя. Я сидела грустная, глаза влажно блестели в свете догорающего дня, все было давно кончено, вот и конец. Хорошего не будет, ничего не будет. В душе поднималась волна протеста и я упрямо уставилась на монаха.

— Говорю тебе, прекращай свои игры с доктором, добром это не кончится. Ты так поразительно глупа, что у меня даже нет слов и я пожалуй пойду.

Я схватила его за руку, глаза засверкали безумием, всего несколько минут назад, незаметно для себя, Гарри принял радужную капсулу вместе со скудной монашеской трапезой. Поразительная глупость, Гарри, неправда ли?

"История святого из Сеула, Небесное Погребение."

Мы поднялись на вершину, усопший был плохим монахом, он весил слишком много и мы с учителем стерли руки в кровь, пока вознесли его для милостыни птицам. Мы совершали небесное погребение, теперь уже бессмысленная смесь атомов, пока еще напоминавшая внешне нашего брата, будет воздана в жертву живым существам, ибо нет в ней другой пользы. Слетелись горные орлы, ястребы, стервятники, они дико орали и дрались друг с другом, ошметки плоти летели в разные стороны, клювы птиц, покрытые кровью, растаскивали кишки как праздничные ленты на день всех святых.. меня затошнило, то был первый раз, когда намерение мое поколебалось, суть жизни мне вдруг показалась ироничной насмешкой, издевательством над бытием. Учитель подошел и обнял меня, он протянул руку, и дав плоский камень, велел закончить работу птиц.

Глава семнадцатая: Кали-Юга цифрового сознания.

"Что побуждает уравновешенных людей вступать в экстремальные отношения, в связи, с заведомо деструктивным потенциалом и идти в них до конца, пока не случится *absolutely fall*. Я исследую феномен страсти и двигаюсь по стопам Герберта в его анализе. Но Фрэнк говорил про власть, я уравниваю эти абстракции. У каждого персонажа есть свой прототип, но здесь я рассказываю все без искажений, так как оно было на самом деле. Цифровая реальность — вот истина, явленная нам на рубеже тысячелетий, тот, кто отрицает кибернетическое будущее, отрицает себя. Все кончено, мы очипированы и оцифрованы, в этом есть величайшее благо и свобода. Теперь каждый способен рассказать свою историю, мы сольем наши жизни в вихре хайтека."

Вот так я размышляла на психотерапевтической койке у доктора, он был не против, он уже давно не был против. Ни святой Гарри, ни доктор не смогли ответить на мои вопросы, их наивные недоразвитые размышления о гуманизме и роли науки в жизни людей не удовлетворяли меня (как и смутные невразумительные обещания Гарри сделать мне хорошо). Доктор вдруг оказался мне поверхностным извращенцем, а Чонгпе догматистом, боявшимся мирской жизни. И это дало новый виток, все встало на свои места, баварец был хоть и полным неадекватом, но тонко чувствовал мир (благодаря регулярному и настойчивому использованию экзотических запрещенных препаратов, но да ладно), он был воплощением того самого абсолютного падения в бездну.

— Хей, детка, расслабься, плыви на своей волне, погляди на эти монументальные строения, воистину ваша империя — это шестой рейх!

Баварец улыбался мне, я хотела познакомить его с доктором, но следующая фраза выбила меня из колеи, на андройде дата 13 февраля, в наушниках Bauhaus, заботливый немец скользил по улицам, удерживая меня в шатком равновесии.

— Забей на монаха или предложи ему кокаин, малышка брось всё это, поехали в Фес или Монте-Карло, ты сама и есть поверхностный и извращённый догматик, зачем себя мучить.

Немец обнимал меня, сегодня он был чуть более вменяем, чем обычно и действительно желал помочь.

— Мы все погрязли в болоте отношений, я говорил тебе, нужно было просто сделать трансплантацию отдельных долей мозга..

— Ни монах, ни хирург, ни психотерапевт, никто не ответит на бред, который мы генерируем, симуляция осознанности, не более..

Вот так рассуждал мой дорогой немецкий товарищ, воистину добрый друг, а еще он сказал, что настоящий ответ на вопрос жизни можно получить только отъехав. Полный отпад. Итак, я лежу на кушетке доктора, и яростно индугирую, попутно записывая свои изыскания, в кране капает вода, подобно китайской пытке выносит мозг в этот ответственный момент. Доктор рисует моей красной помадой стрелки на моей коже и я чувствую, что он перешел странный рубеж, незаметную для себя грань, его прикосновения отсылают память к другим дням, жарким и душным. Тогда, по своей глупости, я ввязалась в отчаянные отношения, что и послужило прелюдией к перелому. Я бросила свою тихую жизнь, полную уюта и неги ради.. ради чего-то. Не придя ни к какому выводу, мне пришлось оставить все как есть, вода капала, рецепторы щекотало и был холодный зимний день, но это только там снаружи, внутри же стая бешеных обезьянок перевернула черепную коробку, Виктор Гюго, сидя на отдельной полочке рассказывал о горгульях с погоревшего собора парижской Богоматери, Бела Лугоши был по-прежнему мертв, а тело рефлекторно отвечало на прикосновения. Я же рассуждала так: "экспериментальные трансгрессивные технологии можно и нужно внедрять в межличностные отношения, этот год — год Дракона, дела с орденом закончены, баланс восстановлен, мы все будем переформатированы, как стрелки на циферблате вечности будем пе-ре-ве-де-ны, мы все призваны к революции, к восстанию против невежества, кали-юга цифрового сознания.." Я вдруг заметила, что говорю уже вслух, человек в белом халате видит как я возбуждена и стирает красную помаду, размазывая выделения человеческих мыслей по моим бедрам.

Глава восемнадцатая: Френчкор в шанхайском метро.

"В сырое нутро подземки

Ныряю, пытаюсь скрыться

От тайных мыслей

О нем."

По итогу я осталась одна, баварец отбыл в неизвестном направлении, а Чонгпе заперся в своей обители, смертельно оскорбленный триптаминовым экспериментом. Доктор, надо признаться, пугал все больше, каждую ночь раздевал меня, он декларировал Библию, заиклившись на 126 псалме, гипнотически повторяя: "Вот награда твоя, расцветающий плод, это твоя награда.." Тревожно наплывали сновидения, нулевой пациент читал мангу, подмигивая провалами мертвых глазниц: "У выпущенной в мир Ганимы, великолепного гибрида, гениального продукта генной инженерии были свои особенности, в частности крайне нестабильное психоэмоциональное состояние. Шанхай, город неоновой мрака, экзистенции, безумия скорости. Лаборатории набиты под завязку жутью биомассы, вагонетки метро нашпигованы обработанным экологически чистым человеческим месивом, токсичные пары смога сгущаются, глобальное потепление наступает. "Я идентифицировала трупную вонь, ладони и нижнее белье увлажнились, создатели не дали мне никаких инструкций, объяснений, задач..ничего, в подземке играет френчкор, а я истекаю натто?" Алгоритмы мозговой деятельности химеры отличны от нормального человеческого мышления, логика усечена, инстинкты обострены " — говорит нулевой. Заголовки интерактивных газет проецировали на здания сенсационные новости: «Корпорация „Новый Путь“ заподозрена в диверсии!», «Трагедия первого человекоподобного существа», «Недоработка бионической Евы грозит человечеству!», "Ганима 23 поколения — чудовищная ошибка или намеренная диверсия?"

Глава девятнадцатая: Уроки мистификации по ритмическому методу.

"Мне так приятен

Горький запах жасмина

В весенних сумерках
Заполняющих сад,
Где колышутся сливовые ветви,
Легкие, терпкие
Цвета мурасаки.
Мне так хочется
Покинуть дом,
Что заполнен гостями
И в дикой аварии
На Кавасаки
С тобой однажды
Смешаться костями."

Дорога была глинистой и разбитой, мы шли уже в течение нескольких часов, песчаная корка хрустела под подошвой, умоляя о влаге, всего пару километров назад я проклинала себя, свою глупость, сентиментальную тягу к экстравагантным путешествиям и белке из полиуретана, натиравшее на жару. Сейчас же я чувствовала смирение, всепоглощающее и абсолютное. Цель так называемого похода была расплывчата и неясна, хорошо хоть трупы Танжера, с их зараженными холерой грязными лицами, остались позади.

— Прополосни горло, нам еще несколько миль.

Меня оглушило, я посмотрела на психопата в гавайской рубашке в ужасе и со сдавленным страхом, он волнами накатывал, душа меня. Атмосфера была нездоровой, мы далеко от города, наедине, это было опрометчиво. Ветер свистел, как-то быстро стемнело, ночи в пустыне холодные, на мили ни огня. Пахло раскаленным песком и время растягивалось как аморфная тварь, ползущая по невесомости.

— За это и люблю Марокко, пустыня, здесь как нигде чувствуется дыхание вечности.

Я подошла к немцу и заглянула в сильно нетрезвые глаза.

— Где чертов баварский акцент, подонок ты, лучше говори про баптистов из криогенной камеры, тебя что отпустило и ты вспомнил бургерские корни?

Паранойя исчезла так же быстро как и накрыла, немец непонимающе смотрел. Маниакальный эпизод был пройден, но подозрения оставались, в дальнейшем я объяснила себе его смену полюсов аварией на Кавасаки и повреждением поведенческого центра мозга (но и это не точно, возможно он тройной агент антикармических сил в броне из иллюзий, которую не способно вскрыть даже мое сознание, но не будем обострять ситуацию). Я читала и перечитывала небольшое письмо от дорогого Гарри: "Склонность к мистификациям делает человека чрезвычайно тревожным в начале, и абсолютно свободным в конце, только не надо думать, что искусственно скрывая свою жизнь и личность будет некий результат, кроме нелепой самоудовлетворенности, твоя жизнь достигнет тебя согласно законам кармы, хоть тысячу имен и стран поменяй. Лжепророческая дистрофия, люди мрут как мухи, а ты все о сантиментах спрашиваешь, кому нужна твоя любовь? Сидеть в курятнике, друг у друга на головах и громоздить фобии и садомазохистские фантазии, есть ли участь печальнее.." И так далее потоком нравоучительного дерьма, не стану приводить весь этот занудный надоедливый монолог святого из Сеула, да и не вспомню теперь, для себя я вынесла одно: меня окружает сплошная патология. Приходится опровергать прошлое, которое не вернуть, либо начисто отрицать диагноз, поставленный доктором еще десятилетие назад и записанный в архивах как «эпизод гиперсексуального поведения на фоне пограничного расстройства личности», в таком случае можно справедливо заметить, что и речь идет не об извращениях, а лишь о некоем «эпизоде». И тут можно было бы остановиться, зафиксировать потери и оставить всё, претенциозные мысли, спустить на тормозах жизнь, уберечь себя от большого шага. Купить второй револьвер и играть в постели доктора, пока как говорится, смерть не разлучит нас.

Глава двадцатая: Эпизод регрессивного гипноза.

Аудиокушетка доктора, запатентованная в Дрездене, использовалась нами явно не по назначению, солнце светило в окно и слепило глаза, а ногти мои впивались в кожу ягненка, коей было обтянуто итальянцами это многопрофильное кресло. Из динамиков звучал восхитительный голос Nikosho, призывающий расслабиться и испить нектар своих прошлых воплощений по технике йога-нидры. "А теперь вы видите архетипические образы, откликающиеся памятью поколений: бесконечное пространство звездного неба, луна, пирамиды...", и я действительно видела пирамиды, бархат темного неба, луну, а потом и все свои прошлые жизни. Честно не знаю, слышали ли мои крики в соседних кабинетах, но так как доктора знали как аутсайдера и экспериментатора, а клиника была частной, нас не беспокоили блюстители нравов и сердобольные доброжелатели. После многочисленных «эпизодов» регрессивного гипноза, диагноз был выставлен, а доктор уехал в Берлин по каким-то своим тайным делам и периодически присылал мне шоколад таблерон и прозак, пока его не выперли оттуда, сославшись на неадекватное поведение русского в центральной библиотеке Дрездена.

Глава двадцать первая: История нулевого пациента: манга «Новый Путь»

«Тогда комикс вызвал настоящий взрыв в среде нонконформистов и аутсайдеров, он был опубликован самиздатом на японском языке, который я знал в совершенстве в сравнении с противной латынью, которую не смог бы расшифровать даже под дулом револьвера. Картинки изобиловали натуралистичными и живописными изображениями сношающихся глубоководных животных, женских прелестей, крови и прочих выделений, оленьи глазки девочек были широко раскрыты, ротики, казалось, бесконечно удивлялись „Оооо?!“ Манга со временем обрела культовый статус и стала архипелагом всех альтернативных ученых мира, все дело в том, что распространялся журнал согласно легенде, изначально в научной среде, это была настоящая утечка из засекреченных боксов национального института развития современных технологий. Утечка произошла где-то между этажами по изучению лимфы океанических каракатиц со внедренной женской плацентой и отделом исследований аномалий развития перинатального периода у африканских женщин, оплодотворенных инкубами. Да-да, знаю.. звучит вполне безобидно, так и бывает, самые гнусные вещи прячутся за маской обыденности. Шел 1998 год, я путешествовал на Хоккайдо, леча гормональное расстройство на источниках, куда еще пускали гринго, на дне одного из таких онсэнгов (вне всяких сомнений, зараженных радиоактивными нуклидами) я и нашел первый выпуск манги „Корпорация Новый Путь“. Конечно все было продумано и подстроено. Ночью старые беззубые гейко инициировали меня ромовым пуншем, высосав из моей жалкой плоти последние капли тестостерона, сношались со мной напялив на себя козлиные головы и все, чтобы заполучить журнал. Не знаю сколько длились эти пытки, но в конце концов бабы на шарнирах отчалили, удовлетворившись в этот раз чистым белком. Я пообещал себе найти несчастную Ганиму, подвергшуюся нечеловеческим и опасным маневрам с органикой, обработанную психотронным оружием, для этого я забронировал два билета в Шанхай на ближайший рейс. В дальнейшем я узнал, что и Ганима, взята не из воздуха и что события происходят в режиме реалтайм! Вы даже представить себе не можете какво это встречать персонажа из комикса лицом к лицу (они думают, что одурачили меня, а я знаю про них всё и даже больше). Скажем доктор Ли, тот подозрительный тип в белом халате, изображающий из себя доктора и отрицавший целый период моей жизни в Японии, настоящий псих. Он участвовал в разработке Ганимы 23 поколения, которая сейчас находится в Шанхае, я найду ее и посмотрю тогда в наглые глаза высокомерного докторишки.»

Глава двадцать вторая: Ганима в Шанхае, 25-й час, часть 1.

Определенные составные растения глубоко внедрялись в клетку, оттуда в ее элементы и производили внутреннюю мутацию путем изменения днк. Далее выяснилось, что растение не было само по себе мутагеном, то что происходило внутри организма явилось псевдомутацией, так называемый мутагенез, будучи ответной реакцией собственной иммунной системы.

Испытывая на себе чужеродное воздействие органическая материя искажалась по защитному принципу, оставаясь тем не менее аутентичной в своей генетической структуре. Итак, почему же происходила модификация днк под воздействием растения. Служащий корпорации отдела полевых исследований: «Мы тогда завязли где-то глубоко в недрах Патагонии, взаимодействовали с местными аборигенами на южном берегу реки Колорадо, наша команда антропологов неплохо изучила местных.» «Настоящие дикари, ну знаете наподобие создателей карго-культов и прочего (вежливый приглушенный смех), там было главное остаться несъеденным, помните Майкла Рокфеллера, вот-вот, здесь конечно не Папуа Новая Гвинея, тем не менее, они не понимали ценности денег, красоты, других важных цивилизованному человеку социальных норм, какая там правовая база.. с ними невозможно договориться, нечем подкупить, угрозы на них не действовали. Язык абстракции тут не подходит, а ментальное поле отлично настолько, что приводило наших ребят в молчаливый ступор.»

Доктор Лайан: «Растение было обнаружено в глубинах сельвы, племя напрочь отрицало особый статус и его церемониальное значение, однако насторожило, что употреблять его разрешалось лишь мужчинам. Оно несомненно имело мутагенные свойства, так мы думали, лихорадка охватила половину нашей группы и тогда не окончив дела нам пришлось пробираться сквозь ядовитые джунгли не дожидаясь эвакуационной группы. Как вспомню — так вздрогну, эта вонь, сочащиеся гнилой влагой лианы с какой-то грибковой поверхностью и липкие следящие взгляды отовсюду..»

Доктор Клайв: «К Ангелам и Ганиме первых поколений было применено очищенное растение, после положительных результатов химической модификации, оставалось доработать открытый мыслительный цикл и экспрессию генов химеры, далее последовало несколько поколений негативной селекции, Ганима была выпущена в мир..»

— И теперь нас обвиняют в диверсии!

— Но вы не можете отрицать, что эксперимент вышел из-под контроля, все эти темные дела с кровавыми убийствам в Шанхае.. вы знаете как ее называют?

— Паучихой.

— Вот именно, наше дитя, совершенное творение геной инженерии, теперь утилизация невозможна, остальное придется оставить историкам и социологам, я умываю руки.

Глава двадцать третья: Ганима в Шанхае, 25-й час, кибер-иконы Новой Церкви.

Шанхай — столица кибер-ангелов в латексной одежде и с облегченными латексными наручниками на запястьях его многонациональной плоти, город мультитехнологичный, экстра-прогрессивный, здесь самый высокий уровень преступности в резервациях биоников и самая дорогая недвижимость при космическом уровне загрязнения. По сути современный Шанхай стал оплотом маргинализма среди кибернетиков, декадентствующие специалисты, оставленные на обочине жизни, обратили свою ярость против универсума, а в особенности против корпорации прогрессивного развития. Желтый смог чувствовался на губах и теле, казалось органика города больна проказой, она гниет и зловонные испарения растекаются по футуристическим зданиям из сверхтонкого эфира, желтые пары циркулируют в легких, въедаются в кожу, оседают на сетчатке глаз, глаза впиваются взглядом в интерактивные новостные сводки, проектируемые на причудливые дугообразные отражающие строения. Вселенная супер-контроля, где траншеи грязных переулков полны промышленного мусора, отработанных чипов и разлагающихся реактивов. В ночной час в таком месте кажется, что рассвет никогда не наступит и одурманенные толпы нелегалов дивного мира будут вечными составляющими индустриального пейзажа, но вот утренний свет рассасывает нервную ткань города, накрывая амнезией последовательность человеческих лиц. Здесь всем плевать на всех и на каждого в частности, а потому и Ганима, грязная, раздосадованная мимолетностью бытия, вытирающая чужие биологические жидкости со своего тела идеально сливалась с окружающим. Ее мысли расплзались по сетке города как метастазы, внутренний компьютер выдавал бешеные сигналы и вибрации,

ущербная и увечная психика, сотворенная Корпорацией, отнюдь не была чудодейственной технологией. Люди были для нее живыми консервами, не ощущая общности с их биологическим видом химера не привязывалась к окружающему, гормональный полет сконструировал забавную концепцию сношения и разложения, она направилась в церковь «Нового Пути», где по легенде жрецы обладали технологиями архангелов и самыми чувственными языками, острыми на слово и ласковыми в деле. Ноги свело от желания, пробираясь через тяжелую толщу человеческой массы, явственно ощущался запах могилы. Жрецы «Нового Пути», настоящие кибериконы с ненасытной жадью экстаза и это новый закон мировой гармонии, новые мессии зубодробительного хайтека, пророки кибер-бытия с запахом асфальта и жженой резины на кончиках пальцев. «Добро пожаловать в Мир Будущего, корпорация прогрессивного развития Новый Путь уже позаботилась о вашем совершенстве! Теперь вы абсолютно свободны.. Примите драгоценности Нового Пути, впустите в себя Новую Церковь, бесконечный самопроизвольный экстаз — есть закон абсолютной гармонии.» Новая Церковь охватывала все сферы социальной жизни, любой источник органической материи был отравлен интоксикантами (включающими доработанные и обогащенные виды психотропных и наркотических веществ), в воздухе расплылся веселящий газ, никто не возражал, все это оседало на почве и всасывалось в сельскохозяйственную продукцию, предел распада был крайне низок, таким образом колесо делало полный оборот и включало издержки на грани статистической погрешности.

Глава двадцать четвертая: Арктическая истерия.

«Любовь не требует реализации, тебе это не нужно, никому не нужно, всё это фантазирование о взаимности зарождается в очарованной душе, прельщенной душе.. она смотрит на мир, он красив и приятен, птицы создают пары..вьют гнезда, теплый ветер разносит ароматы цветения и душа очаровывается, такова жизнь..» — (с) Святой из Сеула.

Конечно я понимала, что не люблю доктора по-настоящему, я была околдована его красотой и умом, он же не любил меня тем более, просто хотел обладать как вещью, как одной из его эротических гравюр в кабинете клиники прогрессивной косметологии. Ему нравилось владеть неистовой животной страстью, держа меня на коротком поводке, не гнушаясь угроз. У нас было что-то вроде соревнования в цинизме. Он был моим личным Артуром Миллером: красавцем, интеллектуалом и редкостным подонком. После десяти лет отношений и двух мимолетных интрижек, а так же предательства монаха, я была ослеплена блеском доктора. Не стану упоминать все его дикие высказывания и полемику, пронизанную насковозь навязчивыми идеями, ясно было одно — после разрушительного опыта непродуманной короткой связи с призраком из прошлого, мне было приятно слушать экзистенциальную чепуху. В состоянии помешательства можно много чего наговорить другим людям и позже только уповать на их снисходительность. Доктор называл это синдромом тропической болезни, есть на Гаити такая этнографическая особенность, однажды он читал мне рассказ Стефана Цвейга, суть была в том, что человек в тропиках одновременно сходит с ума и бежит вперед вперед вперед, пока не падает замертво. Тропическая лихорадка, что-то наподобие менерика (арктической истерии) или зова полярной звезды. Меня конечно тормознули в моем забеге, что совсем не зря и очень даже во благо, потому что большинство вокруг, будучи больными тропической болезнью бегут до упора, пока не расшибутся насмерть о какой-нибудь свой собственный сорт Артура Миллера.

Глава двадцать пятая: Артур Миллер.

Смотря вниз на пылающий ночными огнями, как угольками в затухающем костре, город, я думала о том, что хочу быть частью мира, так категорически не подходя ему. Эта несхожесть, делающая таких как я — аутсайдерами, а отношения с людьми хрупкими, рушила привычные человеку ценности. Лучшим мостом в этих непрочных загадочных узах были слова, изложенные на бумаге, в двоичных символах, в брошенных где-то случайных фразах. Я оставляла надписи на книгах и документах доктора, в его ноутбуке, а потом, озверев, и на его просты-

нях, мебели. Я писала короткие записки на его спине, пока он спал. Желая стать частью Его, внедриться сгустком в пространство его бытия, меня одолевало бессилие. Жизнь, которую я знала до этого казалась проще, мужчины были понятны мне, там нечего было разгадывать, как правило за фасадом внешней оболочки скрывалась бессмысленность, порой поверхностность, пустота и набор стандартных механизмов. Он же демонстрировал излишнюю отстраненность, как будто смотрел на меня издали, не вступая в связь и всегда говорил расплывчато. Такая странная незаинтересованность раздражающе не сочеталась с волнующей сутью наших отношений. Я записывала мысли о нем, он читал и перечеркивал некоторые абзацы красной ручкой. Молчаливое смятение перерастало в отчаянное желание изменить ситуацию, в конце концов я решила, что у него есть еще кто-то, однако он настойчиво отрицал это. Со стороны мы выглядели как самая обычная пара, ходили на мероприятия, посещали рестораны и клубы, встречали и провожали гостей, но он отказывал мне в малейшем снисхождении, когда дело касалось моей гордости, всем видом показывая, что ему это не интересно. Разочарованная, я отстранилась от всех, солнце юности безвозвратно закатилось, я уже побывала замужем, дикое безумство молодости остались позади, жизнь была устроена по сути, возможно из-за этого или нездорового интереса ко всему экстравагантному, я замкнулась на странной связи с доктором. В то время как вокруг происходили тектонические изменения, наблюдения за людьми свелись к долгим экспериментальным вечерам с текстами, все это было не более, чем попыткой абстрагироваться от Его чувственного присутствия в моей жизни.

Глава двадцать шестая: Порт Шанхай.

«Наша ойкумена — Новый Эдем, весь остальной мир — Терра инкогнита» — (с) Корпорация «Новый Путь».

В порту было грязно и сыро, это было одно из тех мест, куда не сунется нога добропорядочного гражданина, строго соблюдающего заветы Новой Церкви. Здесь обитали отбросы, поврежденные элементы стройной системы — отвратительные выродки. У жителей Шанхая не было единодушного мнения по поводу общины за чертой, на них предпочитали просто не обращать внимания, как на естественные отходы жизнедеятельности города. Официально корпорация признавала сообщество отщепенцев как несчастных деградантов, всячески поощряла их социальную поддержку и внедряла по возможности доктрину «Нового Пути», по версии ученых же, эти люди стали жертвами деструктивного воздействия токсичных веществ, проникающих всё вокруг. Кто-то считал их группой особого назначения по поддержанию в равновесии системы супер-контроля, были и совсем безумные конспирологические теории, что племя вырождков ни что иное, как результат ужасающих трансформ первых экспериментальных моделей Адамов и Ангелов. Говорили, что создатели не смогли уничтожить свои творения, своих детей и тайно выпустили их, химеры сбились в резервации, образовав комунны. Конечно всё это не более чем домыслы, достаточно проникательный наблюдатель, находясь ночью в старом шанхайском порту, заметил бы быстрые тени и тяжелые вздохи в этом заброшенном месте. Вечно окутанный смогом и туманными испарениями, прогнивший деревянный комплекс выглядел удручающе. На всю округу несло рыбьими очистками и аммиачной вонью, волны медленно накатывали на грязный берег, перетаскивая с места на место сложносочиненные сгустки промышленной дряни. Оставшаяся кое-где неоновая подсветка в неприятном желтом и красном свете, подчеркивала упадок и разложение. Из города, однако, доносилось эхо нервного импульса одурманенной толпы, никто не забредал в порт, да и кому какое дело, каждый был поглощен собственными переживаниями. Таков был новый мир. Химический коктейль прибрежных волн покачивал и ласкал округлые продолговатые предметы, которые собирала община для каких-то своих темных манипуляций. Порт Шанхай все же выполнял некую функцию города, сюда сбрасывали нездоровые, ненужные и опасные элементы общества. Это была самостоятельная инициатива, зародившаяся внутри системы. Трупы сбрасывали в море и забывали об этом. К конечностям привязывался груз, со временем под воздействием ток-

сичной жидкости органические ткани истончались, руки-ноги оставались на дне морском, а туловища всплывали, их прибывало к берегу, и в большом свете желтой луны, волны нежно ласкали эти вздувшиеся шары, похожие на огромных белесых одиноких рыб, что-то ищущих у берега. У портовой общины были зафиксированы странные архаичные особенности, в точности повторяющие карго-культы. Племя строило монументальные модели самолетов и любых парящих объектов из хлама, собранного на побережье. Корпорация пыталась привить несчастным основы этики Нового Пути, сносила безумные строения, но обитатели каждый раз восстанавливали макеты и с еще большим тщанием поклонялись нелепым сооружениям, проводя свои странные ритуалы, они усердно имитировали действия механизмов.

Глава двадцать седьмая: Луна в капле росы.

"Луна осветила каплю росы.

В отраженье воды

Я ломаю цветущую ветку. "

Сегодня, пребывая в задорном настроении, доктор то и дело предлагал мне лечиться Джеком Дэниелом, зная, что я не пью совсем, он подходил, прижимался сзади и я клала книгу на стол. У меня была температура и мы решили сыграть в рулетку. Такая себе терапия для психопатов, у него был научный интерес ко мне, конечно ведь это так забавно, ставить эксперименты над несчастной влюбленной женщиной, но оставим сантименты. На поверхности жизнь казалась такой гладкой и плодородной, чувственной, но копни чуть глубже и парадокс противоречий вызывал нервные смешки. Но разве не так всё на самом деле, куда ни глянь — гламур и блеск, особенно в соцсетевой помойке и даже во время войны, кажется, что ничего не происходит, неужели? Моя слабость была в неустойчивости, она возрастала при виде человеческих несчастий, это гасило меня и потихоньку вызревала идея о капитуляции. Я так неистово вцепилась в доктора, словно пиявка, потому что многие другие на его фоне выглядели неудачниками, в лучшем случае — посмешищами. И я стала дьявольским порождением его блестящего интеллекта, настоящий доктор Зло. Он говорил, что иногда и дьявол может цитировать писание в свою угодку и сейчас находясь в сердцевине хаоса, посреди войны и в самом эпицентре противоречий я думала, а могу ли я ему доверять? Я рассказала ему о последней интрижке и он будто взбесился, назвал меня тупицей с коротким мыслительным циклом, я поцарапала ему плечи, завязалась потасовка. Мой рассказ подсвечивался его яркими и точными эпитетами вроде: "слабоумие", "идиотизм", "мошенничество", а так же нервными "заткнись" и "повернись ко мне задом". На момент окончания предыдущих отношений, мы уже общались с доктором, что может и немало повлияло на результат. Это была непродолжительная, наполненная экзальтацией и глупостью связь, наши чувства были настоящими и чистыми, но инфантильными до крайности. По факту, в результате разрыва я искренне промучавшись с месяцок, по окончании маниакальной фазы позабыла о нем, как и о всех предыдущих. Тысяча и одна подробность жарких дней канула в Лету и если на подкорке и вспыхивали какие-то воспоминания, то они быстро замыливались делами насущными. Это может звучать цинично, но в конечном итоге так все и происходит, мы не становимся друг другу ближе, даже наоборот, смотрим с досадой на былое.

Глава двадцать восьмая: Книга по мотивам манги.

«Есть женщины-ангелы, для них — мужчины мишки-гамми, так и хочется их потискать. Есть путаны, куртизанки и дьяволицы, что кутаются в монашеские робы, для них — причастие из уст свихнувшегося францисканца...»

Перемены – сомнительная радость, когда система выходит из-под контроля, а мир перестает соответствовать ожиданиям, время раскручивает эту обугленную головешку, того и гляди тебя вышвырнет с планеты, далеко, подальше от тошноты, в безупречное космическое одиночество. Можно затеряться в лабиринтах метро или небоскребов, забыть место жительства, надев униформу гражданина мира. Письма смыты в канализацию и вот она я — гражданка

млечного пути, вооруженная перьевой ручкой, ею управляет мое страстное желание, утопическое как само бытие, желание исходит из кончиков пальцев, ручка плавится и порождает мегалитических монстров. Сажусь в метро и напрямик до Гибралтара, в час пик подземка возносит прямо в небеса, я крепко врастаю в пол и толпа обтекает меня. Это сообщество фриков сыпется вперед-назад как старая штукатурка в рекурсивном мотеле, пара станций и ты уже в раю. Я загибаю пальцы рук: зулусы, айны, нанайцы, папуа и пара туарегов, разношерстная толпа словно вихрь из оттенков кожи, странных запахов, блестящих улыбок и неотступная тошнота, как у Жан-Поля Сартра, бродишь себе по странным улицам захудалого городка и даже кошки выглядят здесь депрессивными..в таких местах пишутся поразительно искусственные книги, фальшивые от начала и до конца, написать такой шедевр, его в пух и прах раскритикует твой издатель и с хитрым смешком подмигнет: «Ведь ты можешь лучше, не так ли? Давай, детка, выверни себя наизнанку, пусть людей затошнит от тебя!» Такова контркультура. Однако ублюдок продолжит, подходя ближе: «То, что простительно самому дьяволу сможешь и ты, не пытайся втиснуть себя в узкие рамки формы, как ты впихивала, судя по всему, сегодня себя в маленькое черное платье, без ложного пафоса скажу — я готов похлопать тебя сегодня по плечу, понимаешь?» Улыбающаяся лоснящаяся рожа издателя приближается еще немного и я предлагаю вступить ему в секту свидетелей судного дня, в конце концов всё это только большой бордель, с людьми всегда такое происходит — однажды они сходят с ума и привет, я говорю ему, что меня сейчас вывернет на его роскошный ковер. Да, наверное, некрасиво, но спустя годы продажные люди для меня как раскрытая книга, они продают и покупают, а я продам им их самый страшный ночной кошмар, ведь я не Оскар Уайльд и даже не Чак Паланик, просто разросшийся коралл как раковая опухоль, пульсирующая на теле прогнившей системы. Нет, не таков мой дьявол, у него самый изощренный на свете ум, я подарю ему тысячу и одну сказку на ночь, оближу его с ног до головы шершавым языком метафор, пока его глаза не станут светиться огнем извращенной любви или горя. У дьявола в кармане всегда есть пара фокусов для малышей вроде меня. Сексуальный запах и грубый голос, жесткие руки и обманчиво мягкое сердце, но может быть мне удастся приручить его...

Глава двадцать девятая: История нулевого пациента, продолжение.

— Запах мокрого асфальта всегда доставлял мне смутное удовольствие на органическом уровне. Чего не скажешь о противном докторишке, которого мне подсунули, такой самоуверенный, просто ужас...

Я глубоко затягиваюсь, стряхиваю пепел в остывший кофе и пытаюсь нащупать нить беседы.

— Мои подозрения о его вменяемости возникли почти сразу, он отрицал целый период моей жизни на Хоккайдо, подарил мне марокканские барабаны, в общем всячески меня третирует и унижал, настоящий псих..

Я откидываюсь на кресле, смотрю в окно, там всё плоско и уныло, как в фильмах 40-х, где цвет декораций варьируется от нездорового желчно-желтого до тоскливого цвета сепии. Было утро, люди как взбесившиеся тараканы, шныряли туда-сюда, я знал вот сейчас пройдет немного времени и улицы опустеют, как будто матрица перезагружается в преддверии коллапса.

— Эээ.. ну так что, вы свободны сегодня вечером? Давайте в 12, да?... Нет в 10 не могу, у меня самолет в Шанхай, ну знаете, хей-хей крошка, латексные тугие задницы и мальчики на любой вкус, так что ровно в 12, иначе чертов докторишка доберется до меня вне всяких сомнений...

Доктор в шоке смотрит на нулевого, захлопывает историю болезни и неторопливо провожает пациента в его палату.

Глава тридцатая: Откровения.

«Весь мой дом в записях воспоминаний и на стенах строчки рассыпались по белой бумаге одиночества, с острыми краями, с дерзкими мыслями, бьющими точно в цель тысячу и один

раз, пока по коже бегут мурашки наваждения... говорю тише и чувствую животный страх, когда меня касаются руки мужчины...»

Всему приходит конец и тем быстрее он приходит, чем больше человеческого в ситуации, отношения — чрезвычайно нестабильная вещь. Как же мне надоела нудятина доктора, он стал похож на Гарри с его вечными нравоучениями с вершины холма, на котором располагалась обитель. Послушники вели очень скромный образ жизни, сам монастырь занимался изготовлением татами из редкого вида бамбука, произрастающего только в горах Джанань. Здесь производилось всего 90 татами ручной работы в год, которые заказывались исключительно в элитные духовные организации, например для устлания полов медитативного зала дворца тибетского правительства в изгнании. Монахи жили простой уединенной жизнью, раньше обитель процветала, в ней проживало около тысячи человек и все они создавали церемониальные благовония, но в связи с падением национального духа, большая часть монастыря была распущена, а бывшие послушники занялись распространением кустарного кристалла на улицах Сеула. В последний раз, когда я навещала Чонгпе, его монашеское одеяние было настолько старым, что я могла видеть локти сквозь потертую ткань, но глаза его сияли близостью освобождения, мы наблюдали за полетом горного орла и Гарри вновь и вновь повторял мне основы восьмеричного пути.

— Причина твоих страданий в желаниях, причина желаний в привязанностях, ты меня слушаешь?

— Слушаю, ты прав конечно и тем не менее ты поразительно неправ, ты рассуждаешь как мужчина и понятия не имеешь, что управляет женщиной.

На том мы и расстались тогда, периодически я получала короткие письма от Чонгпе, полные сочувствия, сострадания и скромной мании величия. Сейчас же, пытаюсь работать над «Корпорацией Новый Путь» дома у доктора, я грустно смотрела на его красивое лицо и маниакально горящие глаза. Я не верила ему и не доверяла как и остальным мужчинам, жизнь — горькая пилюля и за всё приходится платить. Кто-то ищет славы, богатства, удовлетворения амбиций, а я только хотела хорошо спать по ночам, пожалуй, на сегодня хватит. Я встаю из-за стола в стиле итальянского классицизма, у него все было особенным, китайский фарфор эпохи Цин, французское шелковое постельное белье, меня мутило от его буржуазности. Я оставила пару царпин на красном, черт бы его побрал, дереве стола и матерные надписи на шелковом постельном белье.

— У тебя отвратительный характер, пройдет еще немного времени и ты будешь никому не нужна.

Я ушла, не хлопнув дверью, прямо в развратном платье из которого вываливалась грудь, опасаясь однако, что теперь он точно выкинет меня из своей жизни.. Мы были вместе не более полугода и уже пару раз расставались, никто не мог соревноваться с ним в дьявольской хитрости, а со мной в словоблудии. Может и вправду пора было кончать с этим, ведь и он не последний мужчина на земле..

Глава тридцать первая: Ясный солнечный день.

«... любая система, любое общество заточены на потребление — закон органики, вопрос лишь в качестве отдачи, хочешь брать, будь добр произвести, в любом ином случае ты — паразит на теле человечества и топливо для биореактора...»

В такие ясные весенние дни, когда дрожащий воздух подсвечивался позолотой утреннего, еще несмелого солнца, он любил стоять на мощеной узорчатой плитке, вплавляясь ногами в искусственные построения, тщательно поддерживаемые отвратительными автоматизированными механизмами общества. Подобно божеству в своем собственном храме, медитирующему на самое себя, он всегда устремлял свой взгляд вдаль, нет не на красоту небес и леса, он устремлял его на глупые, бесполезные вещи.

– Теперь это помещение наполнено гнилью и крысами, а когда-то здесь производились азиатские деревянные палочки для еды, экспортируемые во Вьетнам.

Я удивилась, что во Вьетнаме едят деревянными палочками, а не металлическими как в Корее.

– С 61-го по 70-й год американские военные распыляли агент орандж над территорией Вьетнама. Такое название химикат получил за цвет бочек в которых хранился. Мангровые леса были уничтожены полностью, не только они конечно, мутации подверглось всё. Я не люблю оранжевый цвет. В общем древесины не осталось, но местные аборигены так и не смогли адаптироваться к металлическим столовым приборам.

Я снова удивилась тому, что он не любит оранжевый цвет. Однако всё это было еще до того, как он купил мне жидкий тюлений жир в ампулах и крем для тела с ботулотоксином, а так же револьвер с рукояткой из слоновой кости. Много воды утекло с тех пор, я стала чуть более помешанной, отношения с ним свелись к многочасовому поклонению храму бумаги и перьевой ручки. Всё мое страстное желание сконцентрировалось в единой точке вселенной, которой было иное божество и объект культа, я служила ему беззаветно, оставила прошлое в прошлом и теперь я — текстуализированный хронос и в кончиках моих пальцев — фетиш, в его руках я — идолопоклонник, огнепоклонник, Заратустра, я — чертов новый мессия и чревовещатель, я — само извращение, направленное стрелой тысячи слов и графических образов точно в цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.